

Натали Доусон

Т Е Н Ъ
в комнате с
ПОРТРЕТОМ

Москва
2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д71

Редактор серии *А. Самофалова*
Литературная обработка *Н. Косаревой*
Художественное оформление серии *Е. Елькиной*

Доусон, Натали.
Д71 Тень в комнате с портретом / Натали Доусон. —
Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110544-0

Кэтрин Хаддон, работающая в гостинице «Охотники и свинья», мечтает о тихой жизни: ей бы найти подругу и заняться рисованием, но вместо этого она оказывается втянута в опасную игру. Кэти невольно подслушивает разговор одной из женщин, прибывшей из Бата на благотворительное собрание, и этот разговор оказывается последним в жизни леди.

Кэти становится важной свидетельницей. Теперь ей предстоит отыскать убийцу, рискуя собственной жизнью...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-110544-0

© Доусон Н., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Кэтрин Хаддон поправила веточки в осеннем букете, сильнее натянула на плечи все время сползающую тяжелую шаль и оглядела холл. Кажется, все в порядке. Ковры начищены, в редко затапливаемом камине бурно возмущается огонь, которому не позволено даже искры уронить на натертый до блеска пол. Подушки на диванах Кэти сама разложила заново всего лишь полчаса назад, как и книгу для записи гостей, тщательно устроенную на конторке.

У себя в кабинете громко чихнул дядюшка Томас, но Кэти уже научилась не вздрагивать при этих звуках. Она и сама до сих пор кашляла, а тетушка Мэриан говорила в нос в неподражаемой французской манере.

В другое время Кэти бы посмеялась, слушая, как миссис Лофтли дает указания горничным, но сейчас у нее не осталось сил.

Ветреный и дождливый октябрь расправился с жителями Кромберри за несколько дней. Жестокая простуда уложила в постели не только изнеженных дам в окрестных поместьях, но и крепких горожанок, не боявшихся промочить ноги по дороге в церковь или к сестре викария, где кроме порции божественной благодати непременно подавали и тарелочку свежих сплетен.

Тетушка Мэриан слегла первой, посетив заседание благотворительного комитета мисс Фриделл, и заботы о гостинице и ее немногочисленных постояльцах тяжким грузом придавили к земле ее племянницу.

Вот уже целую неделю Кэтрин, превозмогая кашель, бродила вверх и вниз по лестницам, присматривала за тем, насколько тщательно горничные делают уборку, помогала дяде Томасу рассчитывать с поставщиками и делала записи в его расходной книге. Из-за частых приступов кашля пальцы ее подрагивали, и на желтоватых страницах оставались неровные росчерки. Где уж тут заниматься любимым рисованием! Ни времени, ни сил к вечеру у Кэти не оставалось.

Молодой организм быстро справился с болезнью: ее не мучили жар и головные боли, но наряду с кашлем усталость и беспокойство одолевали Кэти изо дня в день. А еще она страдала от одиночества.

Тетушка Мэриан проводила дни в своей комнате, дядюшка Томас либо дремал в своем кабинете, либо сидел у постели жены и сокрушался о том, сколько убытков каждую осень приносят ему разбитые дороги, отпускающие путешественников.

Даже миссис Бетси Харт, сварливая и злоязычная подруга Кэтрин, перестала появляться в «Охотниках и свинье». Ее, как и многих других, одолела простуда, и Джон Харт запретил жене выходить из дома. Харты ожидали своего первенца, и тревогу Джона можно было понять. Доктор Голдблюм и двое его коллег, а также их помощники с ног сбились, навещая многочисленных больных, и на улицах Кромберри можно было увидеть лишь посыльных и горничных, спешащих в аптеку.

«Подумать только, я приехала сюда в прошлом ноябре, погода была еще более сырой и холодной, но Кромберри казался живым, — размышляла Кэтрин, когда у нее появлялось несколько свободных минут, чтобы взглянуть на дождь за окном. — А сейчас город будто вымер. Тетушка говорила мне, что здесь именно середина октября приносит с собой ветра и невзгоды, но я ей не поверила, ведь что может быть хуже тоскливого и темного ноября? Теперь же я понимаю, что она не преувеличивала. Скорей бы уже наступил ноябрь! Но до этого нам еще надо пережить визит всех этих леди!»

Благотворительный комитет Кромберри ежегодно в первых числах октября устраивал торжественный обед и несколько заседаний и лекций для дам-попечительниц из других городов графства, и это событие викарий Фриделл и его сестра считали даже более важным, нежели рождественский бал. Приглашения рассылались так тщательно, как будто на заседаниях должна была присутствовать сама королева, и мисс Фриделл никогда более не упоминала имен тех дам, кто посмел не ответить на ее приглашение с подобающей радостью и благодарностью. А таких леди, можно представить, было не так уж мало.

В этом году, однако же, планам мисс Фриделл пришлось претерпеть столь значительные изменения, что эта достойная леди сочла необходимым едва ли не каждый час сетовать на превратности судьбы, не забывая тут же восхвалять себя за предусмотрительность и неизменную силу духа, которые помогали ей противостоять всем невздам.

Началось с того, что миссис Райдинг, стоящая во главе самого богатого семейства в округе, преподнесла

мисс Фриделл подарок, который, по ее представлениям, должен был возвысить благотворительный комитет Кромберри едва ли не до уровня лондонских попечительских советов, находящихся под патронажем самых титулованных дам королевства.

По словам миссис Райдинг, дочь ее старой подруги — это женщина выдающихся качеств, не щадящая ни свое здоровье, ни свой кошелек, ни время своих близких ради улучшения жизни лондонской бедноты. Она согласилась посетить Кромберри и поделиться с дамами-попечительницами секретами своего ошеломительного успеха на возделываемой ею ниве.

Воодушевление мисс Фриделл можно было сравнить лишь с гордостью родителей, чей отпрыск недостижимо превзошел своих сверстников, и неважно, получил ли их сын большую золотую медаль в университете или же дочь сумела выйти замуж за наследника титула и громадного состояния, обладая при этом красотой, благонравием и ничтожным приданым.

Это воодушевление в первый раз слегка помутнело после того, как стало известно, что миссис Роулэнд, так звали лондонскую знаменитость, сможет посетить Кромберри не раньше двадцатого октября. Прекрасно осведомленная о капризах местной погоды и связанных с ними неприятностях, мисс Фриделл всегда стремилась устроить так, чтобы ее прославленные мероприятия завершились уже к восьмому, крайний срок, к десятому октября. Но не отказываться же от возможности заполучить к себе миссис Роулэнд! Этого ни мисс Фриделл, ни ее армия благотворительниц не смогли бы пережить! Не говоря уж о том, что отказ перенести ежегодную встречу ради миссис Роулэнд нанес бы непростительную оби-

ду миссис Райдинг, от чьей щедрости во многом зависел попечительский комитет мисс Фриделл.

Что ж, сроки проведения знаменательной встречи пришлось сдвинуть, как будто сестра викария надеялась одним своим воинственным пылом запугать осеннюю хворь и заставить ее не собирать в этом году свою жатву, хотя бы в лучших домах Кромберри. Увы, дожди и ветра пришли в свое время и принесли с собой полагающиеся недуги, пожалуй, даже более затяжные, чем всегда. Как будто сама природа хотела наказать мисс Фриделл за самонадеянность. Но крепость духа обычно заставляет тело следовать его примеру, и мисс Фриделл довольно быстро справилась с недомоганием. Тем более что, помимо организации заседаний и лекций, ей еще надлежало подготовить скромный дом священника к визиту почетных гостей — миссис Роулэнд собиралась приехать вместе со своим братом. Мистер Макнил некогда бывал в здешних краях и захотел вновь увидеть знакомые места и восстановить некоторые прежние связи. Викарий и его сестра готовились устроить большой обед для лондонских гостей и нескольких выдающихся жителей Кромберри и окрестных поместий.

И вот здесь-то энтузиазму мисс Фриделл был нанесен еще один коварный удар. Зная о дружбе, связывающей миссис Райдинг с семьей миссис Роулэнд, отнюдь не простодушная сестра викария была уверена, что лондонские гости займут лучшие комнаты в особняке Райдингов на все время их пребывания в Кромберри.

Каково же было ее потрясение, когда миссис Райдинг случайно упомянула о том, что миссис Роулэнд и ее брат останутся, конечно же, в доме викария. Она говорила об этом как о деле решенном, и мисс Фрид-

делл, на мгновение утратившая самообладание, едва не высказала вслух свое недоумение. Впрочем, даже невысказанное, оно не осталось незамеченным, и миссис Райдинг снисходительно пояснила, что ее собственный особняк будет до самой крыши наполнен гостями, собирающимися вместе с Райдингами отпраздновать долгожданную помолвку ее старшего сына Стивена.

Второй сын миссис Райдинг уже два года как был женат, а вот ее первенец и наследник до сих пор не спешил связывать себя неразрывными узами. Двое дочерей и младший сын, обожаемый всеми девицами в округе, любезный и легкомысленный Гарри Райдинг, также не были связаны словом, но их свободу не ограничивала тяжкая обязанность продолжить славный род Райдингов и удерживать на своих плечах благосостояние семьи.

Разумеется, мисс Фриделл пришлось выразить самое неподдельное изумление и радость, хотя она была осведомлена о скорой помолвке Стивена уже несколько недель, и только подосадовать в душе, что это выдающееся событие так неудачно совпало с визитом миссис Роулэнд. Что стоило бы перенести празднование в дом невесты Стивена? Родители мисс Баттерворт проживали намного южнее Кромберри, и в тех краях гости не рисковали бы произносить поздравительные речи простуженным хриплым голосом, прерываясь на кашель и фырканье носом.

Но миссис Райдинг всегда поступала так, как ей заблагорассудится. Обладая отменным здоровьем, она меньше других страдала от простуд и не беспокоилась о том, что ее праздник будет испорчен. Главное, ее сын берет в жены девушку из хорошей семьи со связями и с внушительным приданым, что, в свою очередь, повысит шансы ее дочерей на удачное замужество.

Что ж, мисс Фриделл во всей этой ситуации оставалось лишь смириться и готовить гостевые спальни для миссис Роулэнд и ее брата. Остальные дамы, согласившиеся принять приглашение и посетить Кромберри в неурочное время, должны были разместиться в лучшей гостинице города, в «Охотниках и свинье». Да-да, мисс Фриделл, несколько раз за прошедший год менявшая свое отношение к заведению мистера и миссис Лофтли, была все же вынуждена признать, что в старой гостинице ее дорогим гостям будет куда удобнее, чем в скромных пансионах, которыми располагал Кромберри. Тем более что эти дамы должны были приехать из самого Бата! Еще одна честь, которой попечительский комитет мисс Фриделл до сих пор не удостаивался и которой, приходится признать, он был всецело обязан визиту миссис Роулэнд.

Дамы-благотворительницы из соседних городков обычно либо возвращались домой после заседаний, либо оставались переночевать у знакомых из Кромберри. Хотя бы об их устройстве можно было не думать.

Таким образом, мистер Лофтли к своей простуде добавил еще и головную боль, связанную с приемом четырех почтенных леди из Бата. И он сам, и его семья, состоявшая нынче из жены и племянницы, должны были испытывать такой же душевный подъем, который до некоторых пор владел мисс Фриделл.

Подумать только, после недавних убийств, потрясших стены старой гостиницы¹, «Охотников и свинью» посетят самые утонченные и изысканные леди, каких только можно себе представить! Во всяком случае,

¹ См. романы «Зал фей» и «Лавандовая спальня».

именно так описывала этих дам мисс Фриделл, до сих пор встречавшаяся лишь с одной из них во время своего единственного визита в Бат позапрошлой весной.

Разумеется, мистер Лофтли и его супруга были счастливы принять у себя этих дам, будь они оба на ногах, но болезнь сделала их слабыми и сварливыми. В такое неудачное время обилие гостей уже не казалось благом. И первые тяготы этого визита, еще даже не начавшегося, уже изрядно утомили их племянницу. Сама Кэтрин не придерживалась о дамах из попечительских комитетов должного мнения, несмотря на все усилия мисс Фриделл и собственной тетушки. Мать Кэтрин сама состояла в благотворительном обществе Стоунфолла, и она вдоволь насмотрелась на этих чопорных сплетниц, похваляющихся друг перед другом мнимой набожностью и состраданием к тем, о ком неустанно заботились. Во всяком случае, если не все, то половина подруг миссис Хаддон казались Кэти именно такими.

С отъездом из Стоунфолла Кэтрин даже не предполагала, что ей придется вновь столкнуться с подобными дамами и даже содействовать устройству их ярмарок, балов и лотерей. Увы, ее тетушка, до своего замужества помогавшая отцу в его аптеке, первое время невероятно гордилась тем, что мисс Фриделл и другие дамы сочли ее достойной входить в их избранный круг. Тетушка Мэриан принимала самое деятельное участие во всех начинаниях, предоставляя для нужд комитета залы своей гостиницы и таланты своей кухарки.

Впрочем, за прошедший год Кэти подметила в своей тете признаки некоторой усталости, вызванной назойливым желанием мисс Фриделл указывать всем и каж-

дому на их долги — перед обществом, перед Богом и перед ней, то есть, разумеется, перед собственной совестью, чьим голосом она охотно выступала.

Охлаждение миссис Лофтли наступало довольно постепенно, ее признательность попечительскому комитету за выказанное доверие еще не угасла, но визит дам из Бата весьма способствовал этому охлаждению. По крайней мере, в отношении сестрицы викария.

Мисс Фриделл посчитала своим долгом едва ли не каждый день заходить в «Охотников и свинью» и проверять, как идет подготовка к приему столь долгожданных гостей.

— Она не устает напоминать, какую любезность оказала мне, порекомендовав нашу гостиницу этим дамам, — сетовала миссис Лофтли, не выпуская из рук носовой платок. — Похоже, нам придется устроить за свой счет обед для всего общества, которое явится в Кромберри. Хорошо еще, заседания будут проводиться в приходском доме!

— Не забывай о чае, кексах и сконах, которые от нас ждут, — вторил ей мистер Лофтли.

— Но, дядюшка, еще два месяца назад вы опасались, что гости из приличного общества больше никогда не появятся на вашем пороге! — возражала Кэтрин, которая уже научилась подсчитывать прибыли и убытки и понимала, что выгоды от четырехдневного визита дам из Бата превьсят расходы на кексы и обед для двадцати персон.

— Ты права, моя дорогая, грешно мне предаваться жалобам и унынию после того, как нам пришлось пережить все эти ужасы, смерть бедной миссис Сингльтон и трагедию семейства Тармонтов, развязка кото-

рой так некстати случилась в нашем холле!¹ И все же сейчас неудачное время для таких гостей. Этим изнеженным леди постоянно будут нужны теплые грелки и горячее какао, они будут жаловаться на сквозняки и недостаточно нагретую воду. Наши горничные лишатся сил, прислуживая им! А если они еще слягут с простудой...

— У троих из них будут собственные горничные, дорогой, — вздохнула миссис Лофтли, больше раздосадованная пронырливостью мисс Фриделл, вечно сующей нос в чужие дела, нежели необходимостью хорошенько протопить комнаты, приготовленные для дам-благотворительниц. — К тому же ветер скоро поменяется, дожди станут более редкими, и все сразу почувствуют себя лучше. Мы уже пережили самые тяжкие октябрьские дни, и тебе это прекрасно известно! Даже наша Кэти, непривыкшая к необыкновенно сырой осени, уже почти не кашляет и скоро сможет рисовать!

— Надеюсь на это, — сказала Кэтрин. — Я бы хотела изобразить мост через Кром и листья, кружащиеся на поверхности воды, пока от них еще хоть что-то осталось!

Она не сказала своим родственникам, как предвкушает создать целую серию карикатур на дам-попечительниц и показать их своей дорогой старшей подруге, миссис Дримлейн.

Старая дама уже много лет постоянно проживала в «Охотниках и свинье» после того, как в семье ее сына произошло несчастье, надолго рассорившее ее с сыном Ричардом. Лишь несколько месяцев назад ошелом-

¹ См. роман «Лавандовая спальня».

ляющая правда о событиях пятнадцатилетней давности раскрылась¹, и мир был восстановлен, но пожилая леди не захотела менять ставший привычным образ жизни. В поместье сына она стала бы скучать по бесконечной смене лиц, маленьким происшествиям и городским сплетням, которыми была наполнена ее жизнь в «Охотниках и свинье».

Кэтрин подружилась с миссис Дримлейн сразу после того, как приехала из своего родного Стоунфолла на попечение дядюшки, и была очень признательна старой леди за некоторые жизненные уроки. А старушка от души радовалась ее успехам в рисовании, не забывая при этом наблюдать за тем, как Кэти взрослеет и учится замечать в людях то, что порой скрыто от поверхностного и неопытного взгляда: корыстолюбие, зависть, потворство низменным страстям. Рисунки мисс Хаддон чаще всего высмеивали высокомерие, глупость, алчность, некоторые из них очень забавляли миссис Дримлейн, но ей, как и отцу Кэтрин, неодобрительно относящемуся к любимому жанру дочери, хотелось бы видеть более глубокие работы, говорящие о зрелости суждений девушки и желании привнести в этот мир больше красоты.

Миссис Дримлейн, однако же, тоже покинула Кэтрин, невзирая на всю привязанность к юной подруге и к своей любимой гостиной, за преобладание в оформлении которой зеленого цвета получившей название «Зал фей».

— Ну нет, моя дорогая, нашествие этих дам на «Охотников и свинью» я не вынесу! — решительно заявила миссис Дримлейн на следующий же день после

¹ См. роман «Зал фей».